

Володя — эпизод 5 из 5

Надо бы горничную послать за хлебом.

Дуняш! крикнул француз.

Оказалось, что горничную услала куда-то хозяйка.

О, это ничего не означает, сказал француз, широко улыбаясь. Я сейчас сам схожу за хлебом. О, это ничего!

Он положил свою крепкую, вонючую сигару на видное место, надел шляпу и вышел. По уходе его мама стала рассказывать учительнице музыки о том, как она гостила у Шумихиных и как хорошо ее там принимали.

Ведь Лили Шумихина моя родственница... говорила она. Ее покойный муж, генерал Шумихин, приходится кузеном моему мужу. А сама она урожденная баронесса Кольб...

Мама, это неправда! сказал раздраженно Володя. Зачем лгать?

Он знал отлично, что мама говорит правду; в ее рассказе о генерале Шумихине и урожденной баронессе Кольб не было ни одного слова лжи, но тем не менее все-таки он чувствовал, что она лжет. Ложь чувствовалась в ее манере говорить, в выражении лица, во взгляде, во всем.

Вы лжете! повторил Володя и ударил кулаком по столу с такой силой, что задрожала вся посуда и у мамы расплескался чай. Для чего вы рассказываете про генералов и баронесс? Всё это ложь!

Учительница музыки растерялась и закашляла в платок, делая вид, что она поперхнулась, а мама заплакала.

Куда уйти? подумал Володя.

На улице он уж был; к товарищам идти стыдно. Опять некстати припомнились ему две девочки-англичанки... Он прошелся из угла в угол по общей и вошел в комнату Августина Михайлыча. Тут сильно пахло эфирными маслами и глицериновым мылом. На столе, на окнах и даже на стульях стояло множество флаконов, стаканчиков и рюмок с разноцветными жидкостями. Володя взял со стола газету, развернул ее и прочел заглавие: Figaro... Газета издавала какой-то сильный и приятный запах. Потом он взял со стола револьвер...

Полноте, не обращайтесь внимания! утешала в соседней комнате учительница музыки мама. Он еще так молод! В его годы молодые люди всегда позволяют себе лишнее. С этим надо мириться.

Нет, Евгения Андреевна, он слишком испорчен! говорила мама нараспев.

Над ним нет старшего, а я слаба и ничего не могу сделать. Нет, я несчастна!

Володя вложил дуло револьвера в рот, нащупал что-то похожее на курок или собачку и надавил пальцем... Потом нащупал еще какой-то выступ и еще раз

надавил. Вынув дуло изо рта, он вытер его о полу шинели, оглядел замок; раньше он никогда в жизни не брал в руки оружия...

Кажется, это надо поднять... соображал он. Да, кажется...

В общую вошел Августин Михайлыч и хохоча стал рассказывать о чем-то.

Володя опять вложил дуло в рот, сжал его зубами и надавил что-то пальцем.

Раздался выстрел... Что-то с страшною силою ударило Володю по затылку, и он упал на стол, лицом прямо в рюмки и во флаконы. Затем он увидел, как его покойный отец в цилиндре с широкой черной лентой, носивший в Ментоне траур по какой-то даме, вдруг охватил его обеими руками и оба они полетели в какую-то очень темную, глубокую пропасть.

Потом всё смешалось и исчезло...